

Philologica russica et speculativa tomus VII

М. И. ШАПИР

UNIVERSUM VERSUS

ЯЗЫК — СТИХ — СМЫСЛ
в русской поэзии XVIII—XX веков

Книга вторая

Языки славянской культуры

Москва 2015

УДК 80/81
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Ш 23

Издание подготовлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
Проект № 15-04-16115

Ш 23

Шапир М. И.

Universum versus: Язык — стих — смысл в русской поэзии XVIII—XX веков / Под ред. А. С. Белоусовой и В. С. Полиловой, при участии С. Г. Болотова и И. А. Пильщикова. — М.: Языки славянской культуры, 2015. — Кн. 2. — XXII, 586 с., 1 л. портр. — (Philologica russica et speculativa; Т. VII).

ISBN 978-5-94457-227-1

Вторую книгу монографии М. И. Шапира (1962–2006) составили исследования по истории русского стихотворного языка XVIII—XX вв., а также по истории русского стиховедения и лингвистической поэтики (от Московского лингвистического кружка до наших дней). На материале произведений Ломоносова, Пушкина, В. Хлебникова, О. Мандельштама, В. Маяковского, Б. Пастернака, Д. Хармса, А. Твардовского, И. Бродского, Д. А. Пригова, Т. Кибирова и др. автор исследует взаимоотношения языка, стиха и смысла и развитие русской стиховой культуры. В приложение включены статьи М. И. Шапира, непосредственно примыкающие по своему содержанию к теме монографии, а также полная библиография его опубликованных работ.

УДК 80/81

ББК 83.3 (2Рос=Рус)

ISBN 978-5-94457-227-1

9 785944 572271 >

- © М. И. Шапир (наследники), 2015
- © Языки славянской культуры, 2015
- © М. В. Акимова, статьи, 2015
- © А. С. Белоусова, статьи, 2015
- © И. А. Пильщиков, статьи, 2015
- © В. С. Полилова, статьи, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

UNIVERSUM VERSUS

О настоящем издании	vii
<i>М. В. Акимова, И. А. Пильщиков</i>	
М. И. Шапир: штрихи к портрету	xi

Часть III. История (XVIII, XIX и XX век)

В поисках незнакового языка (Звук и смысл в поэзии раннего Хлебникова)	3
1. О «звукосимволизме» у раннего Хлебникова («Бобэоби пелись губы...»: фоническая структура)	3
2. Об одном анаграмматическом стихотворении Хлебникова (К реконструкции «московского мифа»)	10
Символическая заумь Фёдора Сологуба: между ложью и фантазией	18
Псевдобиблейские квазиантропонимы в авангардном поэтическом тексте	26
Время и пространство в поэтическом языке Мандельштама (С примечаниями Е. П. Сошкина)	33
Русская тоника и старославянская силлабика: Вл. Маяковский в переводе Р. Якобсона	46
К семантике «пародического балладного стиха» («Солнце» Маяковского в тени Баркова)	62
Эстетика небрежности в поэзии Пастернака (Идеология одного идиолекта)	100
Между грамматикой и поэтикой (О новом подходе к изданию Даниила Хармса)	145
Данте и Тёркин «на том свете» (О судьбах русского бурлеска в XX веке)	151

Содержание

Три реформы русского стихотворного синтаксиса (Ломоносов — Пушкин — Иосиф Бродский)	166
О пределах длины стиха в верлибре (Д. А. Пригов и другие)	237
Семантические лейтмотивы иронии-комической октавы (Байрон — Пушкин — Тимур Кибиров)	257

Часть IV. История науки

«Грамматика поэзии» и ее создатели (Теория «поэтического языка» у Г. О. Винокура и Р. О. Якобсона)	327
М. М. Кенигсберг и его феноменология стиха	346
«...Домашний, старый спор...» (Б. И. Ярхо против Ю. Н. Тынянова во взглядах на природу и семантику стиха)	384
Проблема границы стиха и прозы в свете лингвистического учения Р. О. Якобсона	389
«Семантический ореол метра»: термин и понятие (Историко-стиховедческая ретроспекция)	395
Гаспаров-стиховед и Гаспаров-стихотворец: Комментарий к стиховедческому комментарию	405

Приложения

Из «Литературной энциклопедии терминов и понятий»	441
Литературный язык	441
Язык художественной литературы	447
Московский лингвистический кружок (МЛК)	456
Contra philologiam: Лингвистическое и идеологическое в книге М. М. Бахтина и В. Н. Волошинова «Марксизм и философия языка» (Текст подготовил к печати и снабдил примечаниями И. А. Пильщиков)	459
А. С. Белоусова, В. С. Полилова Ненаписанная статья М. И. Шапира о «стихах на карточках» Льва Рубинштейна	483
Список опубликованных работ М. И. Шапира (1986–2015)	496
Библиография	511
Именной указатель	567

ПРОБЛЕМА ГРАНИЦЫ СТИХА И ПРОЗЫ В СВЕТЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ Р. О. ЯКОБСОНА

Чем стих от прозы отличается всегда и везде? Согласия по этому вопросу среди ученых до сих пор нет (некоторые даже считают, что ответить на него нельзя в принципе). Наибольшим научным авторитетом пользуются при этом две концепции. В соответствии с первой, стих есть речь, расчлененная на сравнительно короткие отрезки, соотносимые и соизмеримые. Эту точку зрения, впервые высказанную Б. В. Томашевским (1923а, 128; 1928а, 11), сегодня наиболее последовательно отстаивает М. Л. Гаспаров (1974, 11; 1989а, 8; 1993д, 5, 12, 13, 16; и др.). Данное определение стиха, на мой взгляд, не учитывает произведений, стихотворные строки в которых несопоставимы и несоизмеримы. И дело не только в том, что в одной строке может быть 2 слога, а в другой — 30 (см. Шапир 1995а, 15), но и в том, что мы часто не располагаем единой меркой, для того чтобы подступиться к соседним стихам: бывает, что первый уместно мерить стопами, а второй — тактами или слогами (см. Шапир 1995а, 15–17; 1996а, 273⁴⁰⁷). Кроме того, проза, и не только метрическая, тоже может быть расчленена на «относительно короткие отрезки, соотносимые и соизмеримые» (Гаспаров 1993д, 5). Вот пример утрированной поэтики такого рода — пародия А. Архангельского на стиль Е. Габриловича: «Вокруг меня были пустыни. Они простирались. Они были печальны. Они были пересечены холмами. Они были пересечены оврагами. Они были покрыты снегом. Это был добротный снег. Он скрипел. Он похрустывал. Он сверкал. Он синел. Он не таял. Он лежал» (Архангельский 1933, 5). Эта проза, несомненно, идеальным образом подпадает под определение стиха у Гаспарова.

Другая, еще более популярная концепция связана со взглядом на стих как на речь с «двойной сегментацией»: синтаксической (или — шире — грамматической) и собственно стиховой (в частности, метрической). Эта концепция прочно ассоциируется с именем Б. Я. Бухштаба (1973, 110–111), которому, впрочем, принадлежит лишь термин (по-моему, не слишком удачный), тогда как принципиальная возможность рассогласования разных членений была проанализирована еще в 1920-е годы в работах М. М. Кенигсберга (1994), Ю. Н. Тынянова (1924б) и, в меньшей степени, Томашевского (1923а). В порядке критики теории «двойной сегментации» сто́ит отметить, что даже в прозе существует несколько видов членений, причем границы сугубо формальных сегментов часто не совпадают с границами сегментов формально-семантических: слог не всегда равен морфеме, такт — лексеме, а колон — синтагме. Тем более неоправданно видеть в «двойной сегментации» конститутивное свойство стиха, в котором к рассогласованию между языковыми членениями добавляется рассогласование между членениями стиховыми: ритмические, метрические и рифменные единства тоже могут не совпадать друг с другом (Шапир 1995а, 13–14). А поскольку противоречия между грамматикой и стихом, по мнению всех, кто писал на эту тему, являются потенциальными, но актуализуются не всегда (см. Шапир 1995а, 19–28), постольку остается невыясненным *specificum* стиха в тех случаях, когда противоречий между ним и языком не наблюдается.

Мне кажется, у нас есть надежда устранить названные недоразумения с помощью альтернативного определения стиха, обоснованию которого была посвящена моя специальная работа (Шапир 1995а). Логика ее вкратце такова. Представим себе, допустим, вольный ямб басенного образца. Стихи в нем заметно отличаются по длине, и наряду с ямбами разной стопности здесь встречаются спорадические хорей и односложные строки (Тимофеев 1928б, 90–91):

А я, ты думаешь, без дела всё бываю,
Затем что я труды свои не разглашаю.
Нет,
Ошибаешься, мой свет!
А в улей загляни: спор тотчас наш решится;
Узнаешь, кто из нас поболее трудится.

И. Хемницер, «Пчела и курица», до 1784

Несмотря на явную несоизмеримость строк (Тимофеев 1928б, 81), как стихи они друг другу равны, или, точнее, эквивалентны, что проявляется в их взаимозаменяемости и способности вступать в любые сочетания друг с другом. Это значит,

что, по сравнению с прозой, в стихе формируется дополнительное измерение. Проза имеет три координаты, образуемые речевой протяженностью текста, языковой иерархией его уровней и семиотической его отнесенностью. В стихе к ним добавляется четвертая координата — стиховая, наряду с квази-пространством структурирующая квази-время, мерой которого становятся единицы поэтического ритма. Эти единицы вступают друг с другом в парадигматические отношения, ибо связаны они не столько как части целого, сколько как разные модификации, как варианты одного инварианта. Синтагматических ограничений, регламентирующих сочетаемость одноуровневых стиховых форм, либо нет, либо они становятся формантами парадигматики при переходе на более высокий уровень: если синтагматически связаны стопы, парадигматически будут связаны строки, если синтагматически связаны строки, парадигматически будут связаны строфы, и т. д. При этом хотя бы на одном из уровней стиха парадигматическая сегментация оказывается сквозной и принудительной.

К только что сформулированному пониманию стиха ближе всего подошел Р. О. Jakobson. Тем не менее его вклад в изучение природы стихотворной речи долгое время оставался неостребованным и по достоинству не оцененным. Такое невнимание к наследию Jakobsona объясняется очень просто: об отличии стиха от прозы в его трудах не сказано ничего. Но хотя определения стиха у Jakobsona найти нельзя, в его работах заложены предпосылки для решения этой проблемы. Он, как никто другой из стиховедов, придавал большое значение различению «двух полюсов языка», «двух структурных принципов», «двух типов языковых отношений», «двух языковых осей» — парадигматики и синтагматики. Последних двух терминов, введенных в оборот Соссюром (Saussure 1916, 176 и далее) и Ельмслевом (Hjelmslev 1943, 33–36), Jakobson избегал, предпочитая вслед за Н. В. Крушевским (1883, 65 и далее) говорить об отношениях сходства и смежности или используя собственные термины «selection» («выбор») и «combination» («сочетание») (Jakobson 1960, 358; Jakobson 1962, 620). Воззрения Jakobsona на этот предмет, складывавшиеся на протяжении четырех десятилетий (ср. Jakobson 1921, 303–304), подробнее всего изложены в статье «Два вида афатических нарушений и два полюса языка» (Jakobson 1956; см. также Waugh 1976, 32–36; Harweg 1981; Bradford 1994, 9–23 и др.), а истории вопроса посвящена заключительная часть предисловия Jakobsona к польскому изданию трудов Крушевского (Jakobson 1967, XXIV).

В конце статьи о двух полюсах языка Jakobson поставил вопрос о роли, которую эта лингвистическая дихотомия призвана играть в теории словесного искусства: «В основе поэзии лежит принцип сходства; метрический параллелизм

стирок или фоническая эквивалентность рифмующихся слов ставят проблему семантического сходства и контраста <...> Проза, напротив, разворачивается, по сути, основываясь на отношениях смежности» (Jakobson 1956, 81–82; ср. Jakobson 1935b, 366). Важно не упустить из виду, что в этой цитате идет речь не о стихе и прозе, а о поэзии и прозе; это категории не стиховедческие, а лингвофункциональные или стилистические, и потому, например, в книге В. Эрлиха (Erlich 1965, 200–201) соответствующие идеи Jakobsona пересказаны не в главе, посвященной структуре стиха, а в главе «Стиль и композиция». Словоупотребление Jakobsona показывает, что он считал отношения сходства присущими всем измерениям поэтического текста, а отношения смежности — всем измерениям текста прозаического: так, по словам ученого, «метафора в поэзии, равно как и метонимия в прозе, — это путь наименьшего сопротивления» (Jakobson 1956, 82; ср. Jakobson 1935b, 366).

Очевидно, что здесь имеются в виду не два формальных типа речи, а два, как сказал бы Г. О. Винокур, разных «модуса языка», то есть язык в художественной и нехудожественной функции (Винокур 1959б, 245). Не порывая окончательно с характерным для раннего формализма делением языка на «практический» и «поэтический» (см. Шапир 1987а, 221³²⁷ и далее), Jakobson в той же работе пишет: «<...> внимание поэзии сосредоточено на знаке, а внимание практической (pragmatical) прозы — преимущественно на референте» (Jakobson 1956, 81). В близких выражениях содержание поэтической функции определяется в статье «Лингвистика и поэтика»: «Направленность (*Einstellung*) на СООБЩЕНИЕ как таковое, концентрация внимания на сообщении ради него самого — это ПОЭТИЧЕСКАЯ функция языка» (Jakobson 1960, 356; ср. Шапир 1990в, 340 примеч. 37), действие которой, согласно автору, может сказываться, однако, не только в поэзии (Jakobson 1960, 359). Несколькими абзацами ниже Jakobson разъясняет тот «эмпирический критерий», по которому поэтическая функция отличается от всех остальных: «*The poetic function projects the principle of equivalence from the axis of selection into the axis of combination*»^[1] (Jakobson 1960, 358). Следовательно, когда в статье «Поэзия грамматики и грамматика поэзии» мы читаем, что «поэзия, налагая сходство на смежность, возводит эквивалентность в принцип построения сочетаний» (Jakobson 1961, 403), мы не можем интерпретировать это иначе, как то что в языке словесного искусства синтагматика строится по законам парадигматики (ср. Bradford 1994, 34–35, 70–71 и др.).

При кажущемся сходстве этого тезиса с моим определением стиха между ними есть глубокое различие. Jakobson справедливо полагал, что парадигматические связи, обычно находящиеся в состоянии *in absentia*, в поэтическом языке могут быть

переведены в состояние *in praesentia*. В то же время невозможно согласиться с тем, что в любом поэтическом языке и на любом уровне его структуры синтагматическая последовательность есть непременно последовательность единиц одной парадигмы. В художественной литературе (будь то поэзия или проза) языковая синтагматика в принципе остается самою собой — это было ясно уже Кенигсбергу (1994, 162 и др.). Эквивалентность свойственна не всем единицам поэтического текста, но исключительно тем из них, что разворачиваются вдоль четвертой координатной оси; по остальным трем измерениям речевые отрезки не эквивалентны, а (в лучшем случае) сходны. Для стиха релевантно не подобие длины, грамматики и семантики строк или, скажем, строф, а их — в известном отношении — тождество. Это совсем не одно и то же: говорить о «сходстве, накладываемом на смежность» (Jakobson 1960, 370), или об «эквивалентности, накладываемой на последовательность слов» (Jakobson 1960, 366), — у Jakobsona, как видим, есть обе формулировки, и должного различия между ними он не проводит. В прозе, особенно в художественной, тоже может иметь место *с х о д с т в о* между одноуровневыми единицами речи (хотя оно и необязательно), но «*э к в и в а л е н т н о с т ь*», «*т о ж д е с т в е н н о с т ь*» таких единиц есть неотъемлемый признак стиха.

С точки зрения разграничения стиха и прозы, концепция Jakobsona имеет еще один серьезный недостаток. Ученый не уточняет, в какой мере поэтическая речь есть последовательность эквивалентных сегментов: вся целиком или, что называется, местами. Парадигматические отношения между отрезками речи спорадически возникают и в метризованной прозе, но там они факультативны и идут поверх синтагматических. В стихе, напротив, синтагматические отношения накладываются на парадигматические, которые, собственно, и моделируют еще одно, новое измерение. Как писал Винокур, «материал языка» «пропускается и как бы просеивается» через «метрическую форму» (1941, 160) — Jakobson, кстати, утверждал нечто противоположное, а именно что в поэзии происходит «*наложение* метрической формы на обычную речевую» (Jakobson 1960, 366). Парадигматические членения в стихе, в отличие от таковых в прозе, проходят через весь текст, то есть носят, как я уже подчеркивал, *с к в о з н о й* и, кроме того, *п р и н у д и т е л ь н ы й* характер. Визуальную принудительность им обеспечивает графика, акустическую принудительность — интонация. Когда же принудительного членения нет, при столкновении ритма и грамматики верх одерживает последняя. Переписав стихи прозой, мы их в прозу и превратим: все клаузулы тотчас станут подобием цезур.

Итак, Jakobsonовское определение поэзии в свете учения о «двух языковых осях» — селекции и комбинации — не является *н е о б х о д и м ы м*, если под поэзией понимать *я з ы к в е г о п о э т и ч е с к о й ф у н к ц и и*, ибо язык

История науки

художественной прозы может быть совершенно свободен от любых проявлений сходства, наложенного на смежность. В случае, если под поэзией подразумевается стихотворная речь, определение Якобсона перестает быть достаточным: для стиха важно не сходство, а контекстуальная эквивалентность, принудительная и сквозная, но при этом непременно свойственная лишь единицам четвертого измерения. Вместе с тем постановкой вопроса о парадигматике поэтической речи Якобсон, на мой взгляд, сделал важный шаг к адекватному и непротиворечивому определению сути стиха как такового.

Примечания

[¹ Или, как сам Якобсон формулировал то же определение по-русски, под воздействием поэтической функции возникает «проекция принципа отождествления из области выбора в область сочетаний» (1962, 620). — *Ред.*]